

ПРЕДСВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ А. ВАН ГЕННЕПА

Г. А. Корнишина

В статье рассматриваются обряды финно-угорских народов предсвадебного периода. Именно здесь начинается свадебный ритуал, закладываются основы удачного проведения всей свадьбы и благополучной совместной жизни молодых. Согласно теории обрядов перехода А. ван Геннепа, на данном этапе начинается отделение невесты от своего родственного коллектива и включение ее в новую семью.

Ключевые слова: свадебный цикл, предсвадебный этап, сватовство, девичья баня, приданое, теория обрядов перехода, форма брака, финно-угорские народы.

PRE-WEDDING RITUALS OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF A. VAN GENNEP

G. A. Kornishina

The article considers the rites of Finno-Ugric peoples pre-wedding period. Here begins a wedding ritual, laid the foundations for the successful holding of the entire wedding party and prosperous life of the newly wedded couple. According to the theory of transition rites of A. van Gennep at this stage starts Department of the bride from its sister team and its inclusion in the new family.

Keywords: the wedding cycle, pre-wedding stage, matchmaking, maiden bath, dowry, theory of transition rites, forms of marriage, the Finno-Ugric peoples.

Обрядность любого народа представляет тот слой культуры, который в современных условиях несет основную этническую нагрузку. Ее основой является устойчивость и традиционность форм. Несмотря на значительную степень разрушенности и неизбежные эволюционные преобразования, обрядовая сфера сохраняет отдельные элементы весьма архаичных структур и глубинной мифологической семантики. Прослеживая изменения, происходящие с ней в различные периоды в многообразных социальных средах, реконструируя ее древние пласты, можно получить наиболее полное представление об истории народа, эволюции его мировоззрения, связей с другими этносами и других аспектах духовной и материальной культуры.

С помощью обычаев и обрядов народ воспроизводит себя, свою культуру и ментальность и передает эти знания из поколения в поколение. Именно поэтому на протяжении столетий преемственность обычаев и традиций своих предков рассматривалась людьми как один из незыблемых устоев жизни. Следование им предполагало, в частности, участие в различных ритуальных действиях, что позволяло человеку ощущать себя не только личностью, но и членом определенного этнического, социального, возрастного сообщества. Это понимание укрепляло его связь со своим народом и являлось важным фактором сохранения и развития этнического самосознания.

Все это имеет особую актуальность для финно-угорских народов России,

в среде которых в условиях дисперсного расселения, активных урбанизационных и интеграционных процессов происходит девальвация их этнического своеобразия и национального самосознания. В связи с этим подчеркнем необходимость не только системного фиксирования традиционных слоев обрядовой культуры, но и научного анализа ее роли в торможении приведенных негативных процессов.

Под термином *обряд* (а также тождественным ему – *ритуал*) в отечественной этнологической науке понимается комплекс условно-символических действий, целью и смыслом которых является «выражение... некоей идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием» [16, с. 6]. Мы будем рассматривать свадебную обрядность финно-угорских народов в контексте так называемой теории перехода, которая была разработана известным французским этнографом и фольклористом А. ван Геннепом, считавшим, что человек в течение жизни испытывает ряд изменений: физических (например, места жительства), социальных (социального статуса) и моральных (внутреннего состояния – взросление). По его мнению, именно ритуал призван оформить эти изменения и облегчить переход из одного состояния в другое. В этом контексте ритуализированные действия представляют собой обряды перехода, или *rites de passage*.

Исходя из этого, главный смысл свадебной церемонии традиционно состоял, во-первых, в смене социального статуса молодой пары, которая переходила из молодежной группы в категорию семейных членов сообщества; во-вторых, в оформлении перехода невесты в родственный коллектив мужа. В связи с этим свадебный обряд отличался большой сложностью и разнообразием форм, включал в себя множество магических, вербальных и вещественных элементов. Он проходил, как правило, в течение продолжительного времени,

иногда до 1 года, в связи с чем в научной литературе обычно выделяют 3 его основных этапа: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный.

Прежде чем приступить к непосредственному описанию свадебного ритуала финно-угорских народов, рассмотрим традиционные формы заключения брака, бытовавшие в этой среде.

Создание новой семьи, как правило, являлось делом не столько молодых, сколько их родителей и родственников. Часто при выборе невесты основное внимание обращалось на имущественное положение ее семьи, а также трудолюбие и здоровье девушки. Заметим, что иногда невесты бывали старше своих женихов. Так, указы Правительствующего Сената отмечали в XVIII в. у мордвы-новокрещенцев наличие браков мальчиков 8, 10, 12 лет с девушками 20 и более лет. Это объяснялось стремлением родителей жениха путем женитьбы сына получить дополнительные рабочие руки. Аналогичное явление наблюдалось у удмуртов и коми-пермяков [8, с. 130, 460]. К XIX в. брачный возраст женихов и невест выровнялся, в основном варьируясь в пределах 17–20 лет.

Основной формой заключения брака у финно-угорских народов к началу XX в. был брак по сватовству. Однако имели место и более архаичные формы, например, умыкание невест. В фольклоре хантов, а также в ряде литературных источников имеются свидетельства того, что у этих народов были распространены случаи насильственного похищения девушек. Обычно они совершались, когда мать с дочерью оставались в поселении одни [11, с. 52]. Также в начале XX в. Г. Городской отмечал, что у уральских марийцев браки в основном заключаются умыканием, а не по сватовству [19, с. 41].

Кроме этого, у финно-угорских народов были известны браки уходом, или самокрутки, когда «девка убежала от отца и матери, выходила замуж... и передавала своему мужу тайно от семейных все свое имущество» [7, с. 221]. Такие свадьбы устраивались из-за бедности

жениха и его неспособности оплатить выкуп за невесту или из-за несогласия родителей женить парня на понравившейся ему девушке. На этот случай девушки-мансийки хранили мешочки с приданым – *тучан* – в сенах, чтобы иметь возможность взять его незаметно от родных. Иногда такая свадьба происходила и с тайного согласия родителей, чтобы избежать лишних расходов на свадьбу. Священник одного из мордовских сел Пензенской губернии А. Терновский писал, что «... самоходка, как женихову, так и невестину отцу становится по меньшей мере в пять раз дешевле против свадьбы, справляемой по всей форме» [15, с. 20].

Однако, как правило, как бы ни были бедны родители молодых, они старались устраивать для своих детей полную свадьбу. Эта церемония была делом не только семей жениха и невесты, а, по словам ван Геннепа, социальным союзом, который затрагивал интересы многих групп: родственники активно участвовали в поисках невесты, обсуждении кандидатур будущих супругов, а также выступали в роли сватов [1, с. 108].

Так, выбрав сыну невесту, родители приглашали к себе родственников и объявляли им об этом. После тщательного обсуждения всех обстоятельств выбора и одобрения его всеми родственниками, молили богов оказать поддержку в задуманном деле. Затем к родителям невесты для предварительных переговоров посылался кто-то из родственников жениха (как правило, крестные родители или тетка и дядя). В доме девушки посланник обязательно садился под матицу, поскольку считалось, что она «спутывает», «связывает», из-за чего пришедших нельзя выгнать. Разговор начинался с посторонних предметов, а затем незаметно переводился в нужное русло. Родители невесты, как бы ни были рады этому сватовству, в первое посещение отказывали сватьям. Некоторые делали это в силу обычая, но многие намеренно затягивали сватовство, чтобы о нем узнало как можно больше людей

и, таким образом, давали возможность посвататься и другим женихам. Семья жениха также еще раз обдумывала свое решение. У карел, коми и удмуртов родственники юноши могли собираться для повторного обсуждения будущей снохи уже после предварительных смотрин невесты [8, с. 133, 463; 13, с. 66].

Второй этап сватовства, особенно собственно сватовство, был завершающим перед свадьбой. Во время него договаривались о сроках ее проведения, расходах, количестве приданого; у хантов и манси также обговаривали размер выкупа за невесту. В качестве приданого, как правило, выступали постельные принадлежности, одежда, скот. У обских угров наряду с этим в состав приданого часто входили оленья или лошадиная упряжь, нарты, лодки [11, с. 55; 12, с. 85].

Успешные переговоры закреплялись взаимными визитами новых родственников друг к другу. У земледельческих народов в случае удачного сватовства родители юноши и девушки обменивались караваем, что символизировало союз их семей. Подобный обычай сохраняется в настоящее время. Так, мокшане Волжского района Самарской области пекут на свадьбу специальный «родовой» хлеб – *родонь копша*. Во время свадебной пляски каждая сторона поднимает свой хлеб, при этом восхваляя собственный «род», а в конце веселья обмениваются караваем, приговаривая: «Теперь два рода соединились вместе, они будут дружить и помогать друг другу» [5, с. 177]. Хлеб также символизировал благополучие и счастье семьи. Например, в ряде мордовских сел Пензенской области половинки караваев, испеченных матерями жениха и невесты, связывают вместе полотенцем, чтобы молодые жили дружно и счастливо. Подобную смысловую нагрузку нес хлеб и в свадебном ритуале других народов. Так, у марийцев отец жениха приносил в дом родителей невесты каравай ржаного хлеба [17, с. 14]; удмуртские сваты – каравай и овсяный колобок

[18, с. 38]. Над ними в доме невесты устраивали моления о счастье и благополучии молодых.

В период от сватовства до свадьбы просватанная девушка готовила подарки для родственников жениха. Даров требовалось много. Например, чтобы сыграть посредственную мордовскую свадьбу необходимо было от 10 до 20 вышитых женских рубах, приблизительно столько же мужских, значительное количество вышитых головных уборов, полотенец, платочков и т. д. Часть подарков готовилась заранее, в течение нескольких лет, остальное – непосредственно перед свадьбой.

Отметим, что одним из основных моментов данного периода свадебной церемонии было прощание невесты со своим родным домом, родственниками, подругами, своей девичьей жизнью. Все это особенно четко проявлялось в обычае исполнения просватанной разнообразных причитаний. Обычай требовал, чтобы невеста плакала на свадьбе даже тогда, когда она выходила замуж по доброй воле и за любимого человека. Не плакать невесте считалось неприличным: чем больше она плачет, тем лучше будет ее жизнь в замужестве. Так, у карел, когда жених пытался запретить причитывания, старые женщины говорили ему: «Смотри, чтобы ей не надо было плакать, когда за тобой будет, а сейчас пусть плачет, не убудет» [4].

Причитания невесты отличались поэтичностью и богатством содержания. В них девушка светлыми красками изображала свое девичество, а в мрачных тонах – будущее замужество. Например, мордовская невеста причитала:

Сидит мое девичество:
В шесть полос вышитой рубашке,
До колен украшенной руце,
В руках букет цветов,
На голове троицкий веноч...
Сидит замужество:
До колен у него рубашечка,
До пяток лохмотья,
До колен рукава,
До пальцев лохмотья... [3, с. 46]

В XVIII – начале XIX в. невеста причитала 15 и более вечеров, к концу XIX в. – 2–4 вечера. Сейчас старинные причитания помнят лишь немногие представительницы старшего поколения, которые исполняют их в отдельные моменты свадебной церемонии: при проходах невесты в баню, во время прощания ее с родственниками, родным домом и т. д.

Одним из важных моментов предсвадебной обрядности было прощание невесты со своим родственным коллективом. У большинства финно-угорских народов невеста вместе с подругами накануне свадьбы обходила родню. У коми «объезд, или вернее последнее прощание» длился несколько дней. Хозяева желали невесте всяческих благ и одаривали ее. У карел данный обычай назывался «ходить невестой». Родственники также дарили ей подарки, которые считались собственностью невесты и входили в состав приданого [13, с. 254]. У мордвы родственницы сами перед свадьбой приходили прощаться с невестой. Обычно они приносили с собой по горшку с кашей. Именно поэтому этот обряд так и называется *ям кандома* (м.), *кашань кандома* (э.) – «принесение каши». Родственницы также приносили в дар от своих мужей по паре лаптей. Их клали в сундук (*парь*) невесты вместе с ее приданым.

После укладывания вещей невеста прощалась с улицей. К ее дому собирались парни и девушки со всего села. Всех парней невеста угощала вином, а девушкам дарила кольца. Это было ее прощание со сверстниками – той молодежной группой, с которой она веселилась, участвовала в общинных обрядах и праздниках. Вечером мать невесты угощала ее подруг, которые помогали в подготовке свадебных даров, а сама просватанная девушка дарила каждой из них алую ленту.

Широко распространенным и одним из самых важных предсвадебных обрядов было купание невесты в бане. Во время этого ритуала невеста прощалась

со своей девичьей жизнью. Об этом, например, есть упоминания в тексте плача невесты у коми, который она исполняет после прихода из бани: «Мича нима девья красота смывается в бане – раз плеснула крестная – сошла до локтей, второй раз – сошла до колен, третий раз – до конца...» [10, с. 232].

Символом девичества, веселой, свободной девичьей жизни являлась прическа и соответствующие украшения. В основном к XIX в. финно-угорские девушки заплетали волосы в одну косу и делали прямой пробор; ранее, согласно описаниям исследователей, бытовали и другие виды причесок. Так, сведения о старинной прическе мордовских девушек имеются в сочинениях П. С. Палласа: «По старинному обычаю плели из волос на затылке по восьми и девяти малых, а на обеих сторонах позади ушей – по одной большой косе, и в сии две косы втыкали поперек спицы с шелехами и другими гремущками; а в каждой косе был вплетен шерстяной длинный снурок и заткнут за пояс» [9, с. 83]. О прическе из нескольких кос сообщал также И. Георги: «девки заплетают волосы в несколько кос...». Кроме этого, он писал, что иногда девушки просто распускали волосы по плечам, не заплетая их [2, с. 44]. Прическа из нескольких кос долго сохранялась у мордвы-терюхан. Постепенно ее перестали носить в обычные дни, а делали только на свадьбу.

Одним из маркеров девичества являлись головные украшения. В первую очередь это касалось накосников и лент, вплетаемых в косу. Мордовская невеста перед уходом в девичью баню, отдавая накосник матери, причитала:

На-ка, матушка, на-ка,
Мое девичество – «кисточку»,
Мою волюшку – «кисточку» [3, с. 144].

У дмуртов просватанная девушка также перед купанием в день приезда поезжан, прощаясь с девичеством, бросала на пол ленту из косы со словами: «свое девичество втоптываю под ноги» [18, с. 19]. Карельская невеста прощалась «с белой волюшкой» в бане и там

же на окошке оставляла свою ленту [4]. Затем это накосное украшение, как правило, передавалось младшей сестре невесты или ее подруге, которые носили их до выхода замуж.

Обряд омовения невесты в бане имел также аптропеический характер: он должен был защитить девушку от всяческих бед и несчастий. Так, перед входом в баню мордовская невеста просила:

Баня ава, матушка!
Баня ава, серебряная!...
Горячим паром обдай меня,
Дымом своим окутай меня,
Зольной пылью покрой меня [3, с. 155].

В приведенном отрывке упоминаются элементы, служившие оберегами в различных обрядах (пар, дым, зола). Многие исследователи трактуют данное обрядовое действие именно как очистительный ритуал. Возможно, в связи с этим девичью баню следовало топить «легкими» дровами. Например, олонецкие карелы использовали липовые, считая, что березовые символизируют «жестокосердие и беспокойство», сучковатые еловые являются «кручину приносящими», сосновые неровные – «печальными», ивовые – «тоску наводящими», осиновые – символом того, что дальнейшая жизнь будет «заморозками прихваченная» [4].

После прихода невесты из бани она исполняла последние причитания в родном доме, прощаясь с ним и родными. У мордвы, как правило, данный ритуал происходил у печки, которая в данном случае была символом домашнего очага [6, с. 81]. После этого устраивалось угощение всех присутствующих и начинались приготовления к приезду свадебного поезда. Одним из важных моментов этого этапа было складывание приданого невесты, в данном случае одежды. Для ее хранения предназначались особые сундуки, которые обычно заказывал мастерам отец невесты. Мордва и марийцы в более ранний период изготавливали для этого специальные долбленные кади – *парь* у мордвы и *ша-*

башка лянгус у марийцев. Как правило, их изготавливали из липы, и закрывали крышкой, на которую навешивался специальный засов с замком. Снаружи мордовский парь украшался рисунками на тему семейной жизни или трудовых процессов; иногда на нем изображались женские украшения.

Укладывание вещей невесты сопровождалось различными магическими действиями, поскольку считалось, что от этого зависит ее замужняя жизнь. Чтобы обезопасить содержимое сундука от нечистой силы, его обводили свечой или зажженной лучиной и иконой. На дно клали каравай хлеба, хмель и мелкие монеты, чтобы у дочери не переводилось добро.

Затем начинали укладывать вещи невесты и подарки для родственников жениха. После приезда молодых в дом родителей мужа их показывали присутствовавшим на свадьбе гостям, и те по их количеству и качеству исполнения судили не только о материальном состоянии невесты, но и ее способностях к рукоделию. У эстонцев сундук с приданным открывали под обрядовую песню в

которой были такие строки:

Открывай-ка все замки,

Раскрывай-ка сундуки.

Чем хвалить да обещать

Лучше все нам показать... [14, с. 85]

Таким образом, предсвадебные обряды были направлены на единение двух родственных коллективов, самой молодой пары, а также введение молодых в новые родственные группы. При этом особое внимание обращалось на отделение невесты от родной семьи, прощание ее со своим домом и девичьим коллективом. Целью проведения ритуалов свадебного цикла было обеспечение молодоженам семейного благополучия как в экономическом, так и в психологическом отношении. Основными участниками предсвадебных обрядов были как сами молодожены, так и их семьи и представители молодежной половозрастной группы – друзья жениха и подруги невесты. Более обширным состав участников свадебного действия становился уже на следующем центральном этапе свадебного цикла – собственно свадьбе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ван Геннеп, А.** Обряды перехода / А. ван Геннеп. – Москва : Восточная литература, 1999 – 198 с.
2. **Георги, И.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Георги. – Санкт-Петербург, 1799. – Ч. 1. – 178 с.
3. **Евсевьев, М. Е.** Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1966. – Т. 5. – 552 с.
4. Карельский свадебный обряд [Электронный ресурс]. URL: /http://essoila-pos.ucoz.ru /publ /istorija_sjamozerja /karelskij_svadebnyj_obraj_d/6-1-0-37.
5. **Корнишина, Г. А.** Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса / Г. А. Корнишина. – Germany : Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 371с.
6. **Корнишина, Г. А.** Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы / Г. А. Корнишина // Гуманитарий. – 2012. – № 2. – С. 80–85.
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пензенская губ. / Сост. Е. Ф. Сталь. – Санкт-Петербург, 1867. – Ч. 2. – 462 с.
8. Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Ин-т этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН / Отв. ред. В. А. Тишков, С. В. Чешко. – Москва : Наука, 2000. – 579 с.
9. **Паллас, П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – Санкт-Петербург, 1809. – Ч. 1. – 773 с.
10. **Плесовский, Ф. В.** Свадьба народа коми / Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар, 1968. – 320 с.

11. **Пятникова, Т. Р.** Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья / Т. Р. Пятникова. – Екатеринбург : Баско, 2008. – 80 с.
12. **Ромбандеева, Е. И.** История народа манси (вогулов) и его духовная культура / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом, 1993. – 208 с.
13. **Сурхаско, Ю. Ю.** Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.) / Ю. Ю. Сурхаско. – Ленинград, 1977. – 238 с.
14. **Тамярв, М.** Эстонский народный костюм / М. Тамярв. – Таллин : КПД, 2010. – 112 с.
15. **Терновский, А.** Свадьбы самохотки и моляны в мордовском селе Катмисе Городищенского уезда / А. Терновский // Пензен. губ. ведомости. – 1867. – № 33 – 38 с.
16. **Токарев, С. А.** Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы : Исторические корни и развитие обычаев / С. А. Токарев. – Москва : Наука, 1983. – С. 3–8.
17. **Федянович, Т. П.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX – 1980-е гг.) / Т. П. Федянович. – Москва, 1997. – 184 с.
18. **Христолюбова, Л. С.** Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления) / Л. С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 1984. – 128 с.
19. **Ямурзина, Л. В.** Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари) / Л. В. Ямурзина. – Тарту, 2011. – 219 с.

Поступила 10.03.2014 г.

Об авторе:

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornihina@rambler.ru

Для цитирования: Корнишина, Г. А. Предсвадебная обрядность финно-угорских народов в контексте теории А. ван Геннепа / Г. А. Корнишина // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 121–128.

REFERENCES

1. Van Gennepe A. Obrjady perehoda [Rites of transition]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1999, 198 p.
2. Georgi I. Opisanie vseh obitajushhih v Rossijskom gosudarstve narodov, ih zhitejskikh obrjadov, obycaev, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej [Description of all living in the Russian state peoples, their everyday rites, customs, clothes, houses, exercises, entertainments, religion, and other sights]. St. Petersburg, 1799, Part 1, 178 p.
3. Evsejev M. E. Istoriko-jetnograficheskie issledovanija // Izbr.tr. [The historical-ethnographic research. // Selected works]. Saransk, Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1966, vol. 5, 552 p.
4. Karel'skij svadebnij obrjad [Karelian wedding ceremony]. Available at: http://essoila-pos.ucoz.ru/publ/istorija_sjamozerja/karelskij_svadebnij_obrjad/6-1-0-37.
5. Kornishina G. A. Tradicionno-obrjadovaja kul'tura v sisteme mordovskogo jetnosa [Traditional ceremonial culture in the system of the Mordovian ethnos]. Germany, Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011, 371 p.
6. Kornishina G.A. Dom i ritual v tradicionnoj kul'ture mordvy [Home and ritual in traditional culture of Mordva]. Gumanitarij - Humanitarian. 2012, no. 2, pp. 80 – 85.
7. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Penzenskaja gub. [Materials for geography and statistics of Russia compiled by officers of the General staff. Penza province.] Compiled by Stal'. St Petersburg, 1867, vol. 2, 462 p.
8. Narody Povolzh'ja i Priural'ja: Komi-zyrjane. Komi-permjaki. Marijcy. Mordva. Udmurty [Peoples of the Volga and Ural: the Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. The Maris. Mordva. Udmurts]. Ed. by Tishkov V.A., Cheshko S. V. Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklaya RAN. Moscow, Nauka Publ., 2000, 579 p.

9. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii [A journey through the various provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1809, vol. 1, 773 p.
10. Plesovskij F. V. Svad'ba naroda komi [Wedding of Komi people]. Syktyvkar, 1968, 320 p.
11. Pjatnikova T. R. Tradicionnye obrjady hantov ust'-kazymskogo Priob'ja [Traditional rites of khanty of Ust'-Kazymskoe Priob'je]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2008, 80 p.
12. Rombandeeva E. I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura [The history of the people Mansis (Voguls) and its spiritual culture]. Surgut, Severnyj dom Publ., 1993, 208 p.
13. Surhasko Ju. Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' (konec XIX-nachalo XX v.) [Karelian wedding rites (end of XIX-beginning of XX century)]. Leningrad, 1977, 238 p.
14. Tamjarv M. Jestonskij narodnyj kostjum [Estonian folk costume]. Tallinn, KPD Publ., 2010, 112 p.
15. Ternovskii A. Wedding samohotki and prayers in the Mordovian village Katmise Gorodishchenskiy district / Ternovskii A. // Penz. gub. vedomosti. – 1867. – № 33 – 38.
16. Tokarev S. A. Vvedenie // Kalendarnye obychai i obrjady v stranah Zarubezhnoj Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Introduction // Calendar customs and traditions in the European countries. Historical roots and development of customs]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 3 – 8.
17. Fedjanovich T. P. Semejnye obychai i obrjady fino-ugorskih narodov Uralo-Povolzh'ja (kon. XIX – 1980-e gg.) [Family customs and traditions of Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region (end. XIX – 1980s)]. Moscow, 1997, 184 p.
18. Hristoljubova L. S. Semejnye obrjady udmurtov (tradicii i processy obnovlenija) [Family ceremonies Udmurts (tradition and renewal processes)]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1984, 128 p.
19. Jamurzina L.V. Obrjady semejnogo cikla mari v kontekste teorii obrjadov perehoda (na primere vostochnyh mari) [Rites of the family cycle Marie in the context of the theory of transition rites (on the example of the Eastern Mari)]. Tartu, 2011, 219 p.

About the author:

Kornishina Galina Al'bertovna, professor of History of Russia chair of Institute of History and Sociology, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Historical sciences, kornihina@rambler.ru

For citation: Kornishina, G. A. Predsvadebnaja obrjadnost' fino-ugorskih narodov v kontekste teorii A. van Gennepa [Pre-wedding rituals of the Finno-Ugric peoples in the context of the theory of A. Van Gennep]. Vestnik Mordovskogo universiteta - Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 115–120.